

СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОСТОК

Николай Павлович РЯБЧЕНКО,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ranaut@mail.ru

Сто лет, прошедшие после Синьхайской революции, дают возможность понять некоторые закономерности возвышения Востока, связанные с действием демографических циклов и динамикой отношений *Восток — Запад*. Диалектика исторического процесса позволяет рассматривать Синьхайскую революцию и другие антимонархические революции начала XX в. не только как прогрессивные события, но и как проявление кризиса патриархата. **Ключевые слова:** Синьхайская революция, Сунь Ятсен, Китай, Япония, демографические циклы, кризис патриархата.

XINHAI REVOLUTION AND THE EAST

Nikolai P. Ryabchenko. Cand. Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of the Far East, FEB RAS.

One hundred years, passed since the Xinhai Revolution, help to understand some of the reasons for the rise of the East, concerning the effect of demographic cycles and the dynamics of the East — West relations. The dialectics of the historical process allows us to consider the Xinhai Revolution and other antimonarchist revolutions in the early years of the 20th century not only as the progressive events, but also as the evidence of the crisis of Patriarchy.

Key words: Xinhai Revolution, Sun Yat-sen, China, Japan, population cycles, the crisis of Patriarchy.

Синьхайская революция, произошедшая в конце года Синьхай по традиционному китайскому летоисчислению (1911 — начало 1912 г.), впервые на Востоке привела к установлению республиканского строя и стала одним из звеньев процесса революционного «пробуждения Азии», научное осмысление которого продолжается в настоящее время [1, с. 307—516]. Проблема в том, что социальные и политические изменения сближали Восток с остальным миром, но одновременно способствовали его подъёму как самостоятельной силы, способной всё сильнее влиять на мировое развитие. После Синьхайской революции прошло сто лет. Достаточно длительный период, отделяющий нас от событий тех лет, даёт возможность понять некоторые важные тенденции и закономерности исторического процесса. Сегодня Китай — признанный лидер Востока,

поэтому особенно интересно и важно для понимания истории исследовать, как складывались его отношения с восточным миром в ту переломную эпоху, какие идеи выдвигались, как это связано с современностью и может влиять на наше общее глобальное будущее.

Сунь Ятсен, как и многие его соратники, вначале был склонен действовать реформаторскими методами, предлагал властям пути решения насущных проблем китайского общества. В 1894 г. он направил одному из высших сановников Цинской империи Ли Хунчжану представление, где развернул программу, которая должна была вывести страну на прогрессивный путь развития, предотвратить опасность голода и связанных с ним народных восстаний. Для достижения Китаем богатства и процветания предлагалось выполнить «великую программу четырёх условий»: «...если люди могут полностью проявлять свои таланты, то все начинания процветают; если земля может приносить наибольшую пользу, то народу хватает пищи; если вещи могут найти исчерпывающее применение, то материальные средства имеются в изобилии; если товары могут беспрепятственно обращаться, то средств достаточно». Особенно важно было наладить надлежащее управление сельским хозяйством. Сунь Ятсен предлагал лично заняться обследованием земель, чтобы определить, для каких видов деятельности они подходят, какую выгоду могут принести, и, используя западные методы, взяться за их освоение [2, с. 45—62]. Однако это обращение осталось без ответа. Начавшаяся японо-китайская война показала полную неспособность правящей династии защитить Корею от японской агрессии, что вызвало гнев и негодование в китайском обществе. Стали окончательно ясными неспособность Цинов успешно руководить страной и бесполезность обращений к ним с петициями и советами.

В том же 1894 г. Сунь Ятсен создаёт революционную организацию «Союз возрождения Китая» [3], в следующем году им была предпринята неудавшаяся попытка вооружённого восстания в провинции Гуандун. Позже попытки повторялись. В 1905 г. китайские революционные организации решили соединить свои усилия и создали «Объединённый союз», который в 1906—1911 гг. в разных провинциях десять раз поднимал восстания, но все они были подавлены [4, с. 9]. Одной из причин их поражения были заговорщические методы при опоре на местные тайные общества «Триады». Такие восстания не получали достаточного размаха, и власти легко с ними расправлялись. Однако нельзя сказать, что усилия были напрасны. Вместе с другими народными выступлениями они постепенно расшатывали правящий режим, ряды выступавших росли.

После первых неудач китайские революционеры не только не отчаялись, но расширили сферу своей борьбы. Сунь Ятсен понимал, что перед странами Азии стоят во многом сходные проблемы, и, находясь в эмиграции в Японии, обсуждал их с выходцами из этих стран, помогал молодёжи и студентам из Кореи, Китая, Индии, Сиамы, Филиппин. Он активно участвовал в национально-освободительной борьбе филиппинского народа,

полагая, что новое независимое государство сможет оказывать помощь китайской революции. В 1899 г. он организовал отправку на Филиппины партии оружия, закупленного в Японии, но во время шторма судно затонуло. Много усилий пришлось потратить, чтобы подготовить на Тайване новый транспорт с оружием, но японские власти наложили арест на уже готовый к отправке груз. Филиппинцы были согласны передать это оружие китайским революционерам, как раз в то время готовившим новое восстание, однако и этот план не удалось осуществить [5, с. 67—71]. В Японии Сунь Ятсен установил тесные связи с вьетнамскими революционерами, считая, что после победы китайской революции надо будет в первую очередь оказать помощь вьетнамскому народу в его борьбе за национальное освобождение [6, с. 56].

Цинские власти были хорошо осведомлены об участии Сунь Ятсена в организации восстаний, и он вынужден был скрываться в Гонконге, Ханое, Бангкоке, Сингапуре, в Японии и на Гавайях. Скитаясь по разным странам, он не прекращал своей революционной деятельности, постоянно выступал перед китайскими эмигрантами с агитацией, создавал новые ячейки своей организации, собирал средства на продолжение борьбы. Такую же работу вели и другие его соратники среди многочисленной китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии, а также в Южной Африке. Но в отличие от них Сунь Ятсен уделял большое внимание и странам Запада. Он совершал длительные поездки в США и Англию, что расширяло кругозор и позволяло установить более широкие международные связи. Скандальная попытка цинских властей расправиться с Сунь Ятсеном, когда он был задержан в китайском посольстве в Лондоне, сделала его имя известным во всём мире. Авторитет революционера среди зарубежных китайцев был так высок, что задолго до победы революции его прочили в новые лидеры страны. Похоже, это понимали и Цины, оценившие его голову в 10 тыс. фунтов стерлингов, очень большую по тем временам сумму [7, с. 82].

После разгрома в 1898 г. императрицей Цыси движения за реформы к революционной эмиграции добавились бежавшие из страны реформаторы. В Бирме, Малайе, Сиаме, Японии те и другие издавали десятки газет и журналов, в которых вели дискуссии о будущем государственном устройстве Китая: будет ли это республика или конституционная монархия. Не все ещё твёрдо определили свою позицию, и нередко спорящие меняли свои взгляды на противоположные. Но постепенно революционное направление стало преобладать [8, с. 90—101]. В 1905 г. в Японии начал выходить ставший широко известным журнал «Минь бао» («Народ»). В Бирме с августа 1908 г. издавалась газета «Гунхуа жибао» открыто революционной направленности. Пекин добивался от английских колониальных властей закрытия газеты, поэтому её редакция переехала на остров Пенанг. «Гунхуа жибао» стала органом местной организации «Объединённого союза», а на острове в 1909 г. было создано главное управление этой партии для района Южных морей [9, с. 218—221]. В Таиланде, имевшем многочисленное китайское население, ячейки «Объе-

динённого союза» были созданы не только в столице, но и в провинциальных центрах [1, с. 397]. Отдавая должное роли зарубежных китайцев в подготовке революции, Сунь Ятсен позже говорил: «Хуацяо — мать революции» [10, с. 18].

Из стран Востока наибольшее значение для Китая как база революционного движения имела Япония. Это объяснимо. Успехи модернизации Японии служили примером для всех китайских патриотов, желающих прогресса и процветания своей стране, а культурная и территориальная близость двух стран способствовала непосредственному восприятию всего нового и передового, в том числе социальных теорий и революционных идей. Сунь Ятсен писал: «Реформы, осуществлённые в Японии, по сути дела, явились предпосылкой китайской революции, а китайская революция — следствием этих реформ. И то, и другое составляет одну линию — линию возрождения Восточной Азии, одно тесно связано с другим» [2, с. 315]. Прогрессивные силы в Японии также с симпатией относились к борьбе китайских революционеров против маньчжурской династии. Поэтому тот факт, что в Стране восходящего солнца нашли убежище многие из преследуемых китайским правящим режимом и им позволяли открыто действовать, издавать газеты, создавать организации, выглядит вполне естественно.

Япония как передовая страна была притягательна для китайской молодёжи. В начале XX в. там обучалось до 8 тыс. китайских студентов [11, с. 350]. Среди них также имели место антиманьчжурские выступления [12, с. 228—229; 8, с. 7—24]. Но была и другая причина такой японской открытости для китайской оппозиции. Япония, тогда молодое империалистическое государство, вынашивала планы экспансии на материк и была заинтересована в создании опоры среди самых разных политических сил [13, с. 79]. Конечно, эти цели не оглашались, но они проявили себя позже в политике Токио в отношении Китая, когда японцы в зависимости от собственной выгоды поддерживали то одних, то других.

Победное шествие Синьхайской революции началось с восстания военных в г. Учане 10 октября 1911 г. [14]. Оно стало результатом созревшей к тому времени революционной ситуации. Голодные бунты происходили всё чаще, налоги росли, правящая верхушка была озабочена собственным обогащением и в угоду империалистическим державам открыто проводила антинациональную политику. В этих условиях потребовалось всего несколько месяцев борьбы, чтобы цинская монархия пала. 1 января 1912 г. Сунь Ятсен вступил в должность временного президента. Вскоре он, как было заранее договорено, передал свой пост Юань Шикаю, который, однако, стал сворачивать завоевания революции. В августе 1912 г. на базе «Объединённого союза» была создана новая партия Гоминьдан, которая уверенно победила на парламентских выборах, но в результате политических манёвров сторонников Юань Шикая, избранного президентом, власти так и не получила. Страна раскололась на Юг, где преобладали сторонники Сунь Ятсена, и Север, находившийся под властью Юань Шикая, готовившего почву, чтобы самому стать монархом и основать новую

династию [1, с. 480—481]. Сунь Ятсен решительно выступил против узурпатора. Начавшиеся в середине 1913 г. народные выступления и военные столкновения противостоящих сил получили название «второй революции». На этот раз южане потерпели поражение. Предстояла длительная борьба за объединение страны.

Следствием революции стало отделение от Китая некоторых национальных окраин. 1 декабря 1911 г. объявила о независимости Монголия. Князья Тывы (Урянхайского края) обратились за покровительством к России, установившей здесь в 1914 г. свой протекторат. Попытался стать независимым и Тибет, но столкнулся с жёстким противодействием новых китайских властей.

Свержение монархии в Китае оказало революционизирующее влияние на соседние страны Восточной и Юго-Восточной Азии. В конце 1911 г. в провинцию Гуандун прибыла группа революционеров из Вьетнама и Таиланда. В 1912 г. вьетнамцы совместно с китайцами создали революционную организацию солидарности с народами колоний «Обновление Китая — путь к процветанию Азии». Под влиянием событий в Китае активизировались антияпонские выступления в Корее. Китайские эмигранты принесли революционные настроения в Индонезию [6, с. 89—91].

В те бурные революционные годы Япония показала подлинную сущность своей политики в отношении Китая. Сунь Ятсен оценил её так: «В Японии народ относится к нам сочувственно, правительство — враждебно». Накануне свержения Цинов Япония выступила с инициативой, которая не была поддержана западными державами: послать в Китай иностранные экспедиционные войска, ведущую роль среди которых играли бы японские, для защиты императора. На самом деле Токио был озабочен сохранением своей сферы влияния в Северном и Северо-Восточном Китае и её дальнейшем расширении. Японское правительство было не прочь укрепиться и на революционном Юге. В период «второй революции» концерн «Мицуй» поставил туда вооружение и боеприпасы на 300 тыс. юаней. Хотя в этом случае, видимо, сыграла свою роль давняя неприязнь Токио к Юань Шикаю, который в прошлом был главным резидентом в Корее и очень мешал японцам [13, с. 100—102, 106].

Размышляя о будущем Азии, Сунь Ятсен большое внимание уделял положительной роли, которую могла бы сыграть Япония в регионе, откажись она от империалистической политики, не сулившей ей ничего хорошего, что позже полностью подтвердилось. Он писал своему другу Инукаи Цуёси: «Если Япония поставит своей целью оказание помощи Азии и не будет следовать по стопам европейского империализма, она снищет всеобщее уважение азиатских народов» [2, с. 312]. Выступая в Кобэ, лидер китайской революции призывал Японию помочь Китаю избавиться от неравноправных договоров, что способствовало бы установлению между двумя странами тесных, братских отношений, созданию японо-китайского союза как основы сплочения народов Азии [15, с. 174].

Сто лет, прошедшие после Синьхайской революции, позволяют по-новому взглянуть на это важное историческое событие и его последствия. Во-первых, следует обратиться к вопросу: что было главным среди причин революции? В современной исторической науке уже утвердилась точка зрения, что в традиционных обществах, к которым тогда относился Китай, крупные политические потрясения: крестьянские войны, смены династий — обычно происходили, когда численность населения достигала некоего предела, уже не позволявшего ему прокормиться при существующем уровне развития экономики. В Китае такой предел в 430 млн чел. был достигнут как раз накануне революции, что было повторением максимума середины XIX в., отмеченного мощными крестьянскими войнами [1, с. 466]. В условиях демографического сжатия недостаток ресурсов приводит к ослаблению государства, его институтов, усилению коррупции и разложению правящих верхов. Синьхайская революция стала прямым следствием такой ситуации.

Концепция демографических циклов С.А. Нефёдова даёт возможность увидеть ещё один важный механизм социальных трансформаций. Проанализировав десятки демографических циклов в традиционных обществах, в том числе демографический цикл эпохи Цин [16], он пришёл к обоснованному выводу, что «основным направлением развития сословной монархии была трансформация в этатистскую монархию». История Востока показывает нам, как это происходит. «... *Сжатие в подавляющем большинстве случаев порождает этатистскую монархию*. В ранний период истории Ближнего Востока нашествия варваров разрушали эту монархию и возвращали общество к господству частнособственнических отношений, но в следующих циклах этатистская монархия возрождалась. В средние века варвары становились привилегированным военным сословием и трансформировали этатистскую монархию в сословную монархию. Но в следующих циклах Сжатие приводило к обратной трансформации» [17, с. 72].

В Китае после образования республики действие демографических циклов не прекратилось. Хотя новые социальные условия давали значительный простор развитию производительных сил и часть населения перетекала в города, тенденция к этатизму давала о себе знать растущим вмешательством государства в экономику. Так, к концу гоминьдановского периода государство прямо или косвенно контролировало более 80% промышленного производства [18, с. 342]. В то же время продолжало быстро расти население. После Синьхайской революции оно увеличилось ещё на сто с лишним миллионов человек. Поэтому создание Китайской Народной Республики в результате победы КПК в третьей гражданской революционной войне стало закономерным шагом к полному утверждению этатизма в стране.

С.А. Нефёдов отмечал наличие некоторых особенностей трансформации традиционного китайского общества: «В отличие от Ближнего Востока в Китае в некоторых случаях происходило разложение этатистской монархии, и в фазе Сжатия развивались отношения частной собственности.

Но в этом же или в следующем цикле Сжатие вызывало крестьянские восстания и восстановление этатистской монархии» [17, с. 72]. Насколько это положение применимо к современному Китаю? О монархии, конечно, говорить не приходится, но с введением рыночной экономики серьёзное отступление от этатизма налицо. Однако численность населения растёт и приближается к современному критически допустимому, по мнению китайских учёных, пределу в 1,5—1,6 млрд чел. [19, с. 77]. К тому же ситуация усугубляется быстро растущим социальным неравенством. Поэтому в Китае вполне возможен и, скорее всего, неизбежен возврат к этатизму в той или иной форме.

Специалисты, изучающие демографические циклы, не рассматривают их применительно к современному обществу, так как в нём меняются условия жизни людей. Они уже не так сильно зависят от сельскохозяйственного производства, расширяется экологическая ниша их существования, привносится действие новых факторов, связанных с научно-техническим прогрессом. Тем не менее если рассматривать не отдельные страны, а мир в целом, то ситуация мало изменилась. С появлением «золотого миллиарда» стала отчётливо видна глобальная сословность человечества. В центре — тот самый «золотой миллиард» как привилегированное сословие, затем народы капиталистической полупериферии, далее идёт периферия — обширная зона бедных стран, бывших колоний и полукolonий. Вместе с увеличением численности населения растёт и социальное напряжение в этой системе, провоцируя традиционную для демографических циклов развязку — переход от сословности к этатизму. Намёки на это звучат в рассуждениях отдельных представителей научных и политических кругов о необходимости глобального управления [20, с. 9—10]. Как и этатизм, оно в разных странах может различаться по охвату и степени жёсткости, но это не меняет сути грядущих изменений. Хорошо, если они пройдут мирно, хотя, как свидетельствует история, шансы не велики.

Система господства «золотого миллиарда» была создана Западом. В ней отчётливо просматриваются архетипические черты прежних систем господства, варварских завоеваний и сословных монархий, проявляющиеся в глубоко укоренившейся привычке использовать военную силу, в формировании структуры глобального общества, обеспечивающей владение привилегированного социального слоя бывших завоевателей, к концу XIX в. поделивших мир, а в XX в. ставших мировой финансовой олигархией. Эта система разрушает традиционные и ещё не прошедшие стадию модернизации общества, способствует развитию частнособственнических отношений и росту связанных с ними противоречий. В условиях перенаселённости и быстро убывающих ресурсов миру становится не под силу содержать «золотой миллиард» и терпеть создаваемый им хаос, что делает почти неизбежным поворот к глобальному этатизму. Он приведёт к резкому ослаблению Запада, утрате им прежних позиций и одновременно возвышению Востока с его многочисленным населением, главным «заказчиком» этого исторического поворота.

Ввиду такой перспективы следует вспомнить, что Сунь Ятсен был горячим поборником сплочения Азии, усиления её роли в мировых делах, выступал за поддержку национально-освободительного движения. Он мечтал о создании «Великого восточного государства», объединяющего Китай и его азиатских соседей [21, с. 36]. Эта линия солидарности и сплочения народов Востока получила воплощение уже после образования КНР. В 50—70-е гг. прошлого века Китай оказывал большую помощь национально-освободительным движениям. Во внешней политике Пекина хорошо просматривается следование принципу, завещанному Сунь Ятсеном: «помогать слабым и поддерживать падающих» [15, с. 169]. В XXI в. Китай развернул ширококомасштабную экономическую помощь всем без исключения нуждающимся странам Африки, на деле помогая им преодолевать отсталость и бедность. Сам Китай, достигший за последние десятилетия больших успехов, тем не менее продолжает относить себя к числу развивающихся стран и поддерживает с ними тесные связи. В Азии уже в течение десяти лет Китай ведёт активную работу по созданию Восточноазиатского сообщества, которое включало бы государства Восточной и Юго-Восточной Азии. Интересно, что здесь всплыла та же проблема, которая в своё время беспокоила Сунь Ятсена, — проблема противодействия Японии, склонной преследовать свои цели и идти за Западом. В противовес китайскому проекту Япония предложила включить в организуемое новое сообщество Австралию, Новую Зеландию, Индию, что размывало бы региональное единство и ослабляло ведущую роль Китая в нём. В результате в настоящее время проект существует в двух форматах, предложенных Китаем и Японией [22, с. 46—47]. Но в Пекине не унывают, полагая, что в будущем Восточноазиатское сообщество станет ареной плодотворного сотрудничества двух стран, предлагают создать в регионе Восточноазиатское сообщество безопасности, Сообщество взаимовыгодной поддержки и обеспечения стабильности экономического развития, Культурное сообщество, основой которого должно стать формирование общей китайско-японской культуры [23].

Консолидация Восточной Азии наряду с уже осуществлённым проектом создания Европейского союза позволяет видеть реальную структуру мира, существовавшую и прежде, но сейчас ставшую предельно отчётливой, где два полюса — Восток и Запад, расположенные на востоке и западе Евразии, формируют два цивилизационных ядра. Остальные страны, за исключением «переселенческих филиалов» Запада в Северной Америке, Австралии и Южной Африке, в культурном и цивилизационном плане являются переходными и так или иначе связаны с динамикой взаимодействия двух мировых полюсов, поочерёдно играющих ведущую роль в мировой истории [24]. Разделение на Восток и Запад заложено в антропологических и ментальных особенностях живущих там народов, аналогично женскому и мужскому началу. Воздействие этой естественной структуры мира и закономерностей её существования на судьбы человечества ещё как следует не изучено. Этот новый подход может кардинально изменить наши представления о ходе истории и многих современных

процессах. Как минимум он позволяет отказаться от ошибочной внешнеполитической идеи о многополярном мире, так как в действительности имеются только два мировых полюса [25]. Возможно, придётся усомниться во многих устоявшихся представлениях. Так, «пробуждение Азии», частью которого была Синьхайская революция, обычно считается частью мирового революционного процесса, как бы дополняющей его главный поток, формировавшийся в России. А не наоборот ли? В настоящее время существует точка зрения, что русская революция первой половины XX в. положила начало мировой революции аграрных стран, сопротивлявшихся включению в периферию западного капитализма [26, с. 11]. Но проблема явно шире. Здесь конфликт не только с западным капитализмом, но и с Западом как породившей его ведущей мировой цивилизацией. Впрочем, понимание того, что появление большевизма стало новой фазой борьбы между Европой и Азией (на стороне последней оказалась и Россия), существовало и раньше [27, с. 39], сейчас это становится всё более очевидным.

Последовавшие за Октябрьской революцией события показали, что Советский Союз и созданный им «социалистический лагерь» стали надёжной базой китайской революции. После образования КНР советская помощь сыграла решающую роль в переходе страны на индустриальный путь развития, что явилось важнейшим цивилизационным сдвигом, означающим передачу волны индустриализации развития от второго эшелона (к которому относилась Россия) дальше — в третий, мир бывших колоний и полукolonий. В последующие несколько десятилетий сам факт существования мощного СССР, который на Западе называли Востоком, имевшего одинаковый с Китаем общественный строй, служил гарантией его безопасности перед лицом враждебных капиталистических государств. Потом СССР не стало, и всем открылся настоящий Восток, восточный полюс и восточное цивилизационное ядро глобального мира. Исторический поток, ведущий начало с «пробуждения Азии», не только не иссяк, но продолжает набирать силу.

Синьхайская революция, разбившая феодальные оковы, не дававшие Китаю возможности идти в ногу с остальным миром, безусловно, важное прогрессивное историческое событие. Вслед за Китаем менее чем за 10 лет монархии рухнули в целом ряде крупных стран — России, Германии, Австро-Венгрии, Турции. Таким образом, Синьхайская революция органично вписалась в происходившие в мире изменения. Но их нельзя рассматривать только как прогрессивные. Диалектика развития такова, что всякий прогресс одновременно является и относительным регрессом [28, с. 68]. Так, крушение монархий стало следствием кризиса патриархата, достигшего пика своего развития в абсолютизме. Дальнейшие события только усугубляли этот кризис. Массовая гибель мужчин в двух мировых войнах и потребности военной экономики вынудили воюющие государства вовлекать женщин в производство, открылись возможности и для их участия в общественной и политической деятельности. В развитых странах было достигнуто полное равенство мужчин и женщин, которое

на деле всё же остаётся неравенством возможностей. Причина не в том, что где-то, в каких-то вопросах сохраняется дискриминация по половой принадлежности, а в том, что мужчины в целом уступают женскому полу. Они менее психологически устойчивы, имеют значительно меньшую продолжительность жизни, больше подвержены таким порокам, как алкоголизм, наркомания. Подавляющее число преступников также мужчины. С таким «джентльменским набором» мужчины, не занимая господствующего положения в обществе, неизбежно будут уступать женщинам по всё большему числу позиций. Как раз «женский вопрос» — сохранение незыблемости прежних патриархальных порядков, обеспечивающих полное доминирование в обществе мужчин над женщинами, и борьба против разлагающего западного влияния, является глубинной причиной современного конфликта исламского мира с Западом. Пришедшие на смену поверженным монархиям авторитарные режимы, ещё сохраняющиеся во многих странах, также являются одним из бастионов отступающего патриархата. Запад, преследуя меркантильные интересы и прикрываясь при этом демократической риторикой, упорно пытается сокрушить этот бастион, но, по-видимому, до конца не понимает, что рубит «сук» исторически сложившейся мужской власти, на котором он сам сидит.

Начавшийся более века назад подъём Востока, идущего к мировому лидерству, на наших глазах меняет привычную западоцентричную картину мира, в которой незападный мир выглядел вечно отстающим, обречённым на догоняющее развитие. Естественно, будут меняться и глобальные приоритеты. В отличие от безудержно рвущегося вперёд Запада, Восток склонен к поддержанию устойчивости, гармонии. Как раз такой подход нужен для решения множества накопившихся в мире проблем. Поэтому грядущее лидерство Востока как мирового женского начала объективно отвечает потребностям глобального развития. Будущий мир будет более восточным и более женским. Но и тут даст о себе знать диалектика: чем дальше, тем больше будет расти спрос на мужские качества, чтобы двигать человечество к новым рубежам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. История Востока: в 6 т. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII — начало XX в.): Кн. 2 / отв. ред Л. Б. Алаев и др. 2005. 574 с.
2. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е, исправ. и доп. М.: Наука, 1985. 781 с.
3. Борох Л. Н. Союз возрождения Китая. М.: Наука, 1971. 203 с.
4. Тихвинский С. Л. Сунь Ятсен — великий китайский революционер-демократ, друг Советского Союза // Сунь Ятсен. 1866—1986: К 120-летию со дня рождения. М.: Наука, 1987. С. 5—32.
5. Кюзаджан Л. С. Освободительное движение филиппинского народа и Сунь Ятсен (1899—1900 гг.) // Сунь Ятсен. 1866—1986: К 120-летию со дня рождения. М.: Наука, 1987. С. 57—73.

6. Тихвинский С.Л. Завещание китайского революционера. М.: Изд-во полит. лит., 1986. 224 с.
7. Ефимов Г.В. Некоторые сведения о революционной деятельности Сунь Ятсена в 1907—1909 гг. // Сунь Ятсен. 1866—1986: К 120-летию со дня рождения. М.: Наука, 1987. С. 74—84.
8. Никифоров В.Н. Китай в годы пробуждения Азии. М.: Наука, 1982. 248 с.
9. Зубков Н.Б., Крымов А.Г. Дискуссия о государственном переустройстве Китая в начале XX века // Китай: общество и государство: сб. ст. М.: Наука, 1973. С. 217—228.
10. Кузнецов В.С. Синьхайская революция в Китае // Вопр. истории. 2004. С. 3—21.
11. The Cambridge History of China. Vol. 11. Late Ching, 1800—1911. Taipei: Cavis books, 1989. 754 p.
12. Никифоров В.Н. Первые китайские революционеры. М.: Наука, 1980. 255 с.
13. Сладковский М.И. Китай и Япония. М.: Наука, 1971. 336 с.
14. Белов Е.А. Учанское восстание (1911 г.). М.: Наука, 1971. 250 с.
15. Делюсин Л.П. Идеи панasiatизма в учении Сунь Ятсена о национализме // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 168—183.
16. Нефёдов С.А. О демографическом цикле эпохи Цин // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 3. С. 139—150.
17. Нефёдов С.А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. 141 с.
18. Непомнин О.Е. Гоминьдановский госсектор и концепция «бюрократического капитала» // Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады. М., 1995. С. 340—346.
19. Джан Хэ Лань. Рост численности населения — фактор социального давления. [Электронный ресурс] URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/01—2000/013.JIANG_KHAE_LAN.pdf.
20. Лебедева Т.П. Каким быть глобальному управлению // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2006. № 1. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_Fuk_EndIst.php.
21. Тихвинский С.Л. Сунь Ятсен — китайский революционер-демократ // Сунь Ятсен. Избранные произведения. Изд. 2-е, исправ. и доп. М.: Наука, 1985. С. 5—44.
22. Семин А. Восточноазиатское сообщество: что мешает воплотить идею // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 45—51.
23. Семин А. Рец. на кн.: Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии. Sino-Japanese relations and China policy toward Japan in the Coming Decade, January, 2009 / Institute of Japanese Studies. Chinese Academy of Social Sciences. Peking, 32 p. // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 168—173.
24. Рябченко Н.П. К вопросу о месте и роли России и Китая в современном мире // Китай: шансы и вызовы глобализации: тез. докл. XIV Междунар. науч. конф. Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы, 23—25 сент. 2003 г., М. Ч. 2. М., 2003. С. 29—33.
25. Рябченко Н.П. Сколько у мира полюсов? (К вопросу о многополярности) // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 1. С. 70—77.
26. Кара-Мурза С.Г. Россия и Запад: Парадигмы цивилизаций. М.: Академический Проект: Культура, 2011. 232 с.
27. Шубарт В. Европа и душа Востока / пер. с нем. Антипенко З.Г. и Назарова М.В. М.: Альманах «Русская идея», 1997. 448 с.
28. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961. С. 23—178.